

О.В. Филиппенко*

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ZIMMERMAN D. ENSNARED BETWEEN HITLER AND STALIN: REFUGEE SCIENTISTS IN THE USSR. TORONTO: UNIVERSITY OF TORONTO PRESS, 2023. 360 P.

doi:10.31518/2618-9100-2025-5-20
УДК 93/94"1930"

Выходные данные для цитирования:

Филиппенко О.В. Рецензия на книгу: Zimmerman D. Ensnared between Hitler and Stalin: Refugee Scientists in the USSR. Toronto: University of Toronto Press, 2023. 360 p. // Исторический курьер. 2025. № 5 (43). С. 234–241.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-20.pdf>

O.V. Filippenko*

REVIEW: ZIMMERMAN D. ENSNARED BETWEEN HITLER AND STALIN: REFUGEE SCIENTISTS IN THE USSR. TORONTO: UNIVERSITY OF TORONTO PRESS, 2023. VII, 360 PP.

doi:10.31518/2618-9100-2025-5-20

How to cite:

Filippenko O.V. Review: Zimmerman D. Ensnared between Hitler and Stalin: Refugee Scientists in the USSR. Toronto: University of Toronto Press, 2023. VII, 360 pp. // Historical Courier, 2025, No. 5 (43), pp. 234–241.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-20.pdf>]

Abstract. David Zimmerman's new book focuses on the analysis of the fates of 36 German-speaking scholars who fled persecution from Nazi Germany to the Soviet Union. The author examines the lives of these migrants at each stage of their journey. Based on an analysis of events leading up to 1933, Zimmerman demonstrates the heterogeneity of the group of scholars studied and shows how this diversity influenced their subsequent fates and chances of survival. He then proceeds to identify the motives that drove these persecuted intellectuals to seek refuge specifically in the Soviet Union. Ultimately, he concludes that, for the most part, this decision was forced rather than ideologically motivated. Zimmerman assesses the early years of German-speaking scholars in the USSR as relatively successful. They took advantage of the benefits offered by their host country to varying degrees. As a result, they were able to make a significant contribution to the development of Soviet science. However, this did not protect them from further persecution. During the Great Terror, scholars were either arrested or killed by the NKVD, or they were expelled or fled the country. Those who left the Soviet Union faced new challenges. Not all of them survived the Holocaust. However, those who did were forced to flee again. Their new destinations included France, England, Sweden, or, in the case of great fortune, the United States. In addition, Zimmerman evaluates the role of organizations whose activities were intended to support scholars persecuted by the Nazis. Despite attempts by these funds to provide assistance, in practice, researchers often had to fend for themselves. The reviewed book concludes with an analysis of the lives of the descendants of the studied families, which helps to clarify the long-term consequences of the crimes committed by the Nazis.

Keywords: history of science, forced migration, cultural adaptation, Stalinism, Nazism, USSR.

The article has been received by the editor on 27.06.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Ольга Вячеславовна Филиппенко**, PhD (Dr. Phil), Новосибирский государственный университет экономики и управления (НГУЭУ), Новосибирск, Россия, e-mail: olga.kanyshkova@mail.ru
Olga Vyacheslavovna Filippenko, PhD (Dr. Phil.), Novosibirsk State University of Economics and Management (NSUEM), Novosibirsk, Russia, e-mail: olga.kanyshkova@mail.ru

Аннотация. Новая книга Дэвида Циммермана фокусируется на анализе судеб 36 немецкоязычных ученых, которые бежали от преследований из нацистской Германии в Советский Союз. Автор рассмотрел жизнь эмигрантов на каждой стадии. Вначале на основе анализа событий до 1933 г. Д. Циммерман продемонстрировал неоднородность состава исследуемой группы ученых и показал, как она повлияла на их последующую судьбу и шансы на выживание. Затем автор приступил к выявлению мотивов, которые подтолкнули преследуемых деятелей науки направиться именно в Советский Союз. В итоге сделан вывод, что данное решение было скорее вынужденным, нежели обусловленным идеологическими соображениями. Циммерман оценивает первые годы пребывания немецкоязычных ученых в СССР как относительно успешные. Они в большей или меньшей степени воспользовались благами принимающей стороны. Благодаря этому ученые смогли внести ощутимый вклад в развитие советской науки. Это, однако, не спасло их от дальнейших преследований. В процессе Большого террора ученые были или арестованы/убиты органами НКВД, или высланы/бежали из страны. Лица, покинувшие Советский Союз, столкнулись с новыми трудностями. Не все из них пережили Холокост. Однако те, кто смог это сделать, были вынуждены бежать вновь. Новой точкой назначения становилась Франция, Англия, Швеция или, в случае большой удачи, США. Помимо этого, Д. Циммерман дает оценку роли организаций, деятельность которых должна была способствовать защите пострадавших от нацистов ученых. Несмотря на то, что фонды пытались их поддержать, на практике исследователи должны были выживать зачастую самостоятельно. Рецензируемая книга заканчивается анализом жизни потомков исследуемых семей. Это позволило яснее показать долгосрочные последствия преступлений, совершенных нацистами.

Ключевые слова: история науки, принудительная миграция, культурная адаптация, сталинизм, нацизм, СССР.

Статья поступила в редакцию 27.06.2025 г.

Исследование судеб бежавших от нацизма ученых является частью фундаментальной проблемы вынужденных миграций населения, вызванных давлением со стороны диктаторских режимов. В сравнении с другими категориями беженцев немецкоязычные преподаватели университетов, сотрудники научных институтов и прочие деятели науки обладали рядом преимуществ, которые могли бы облегчить их социальную и культурную адаптацию к новой среде. В частности, многие из них уже имели опыт путешествий в другие страны и связи с различными международными исследовательскими организациями, были относительно обеспечены, а главное – представляли определенный интерес для принимающей стороны. Как это ни странно, но именно их ценность делала пребывание в Советском Союзе более опасным. В связи со своим особым статусом и практической значимостью иностранные специалисты находились у властей под усиленным контролем, что делало их уязвимыми для репрессий. Подобная двойственность положения ученых делает исследование процесса их социокультурной адаптации особенно интересным для исторической науки.

Проблема вынужденных миграций ученых из нацистской Германии и попыток построения научной карьеры внутри нее имеет довольно обширную англо- и немецкоязычную историографическую традицию. Исследователи фокусируются на преследованиях, которым подвергались «неарийцы» или лица, «связанные с евреями», их попытках к сопротивлению и стремлению к выживанию, в том числе через бегство¹. Кроме того, совершаются довольно

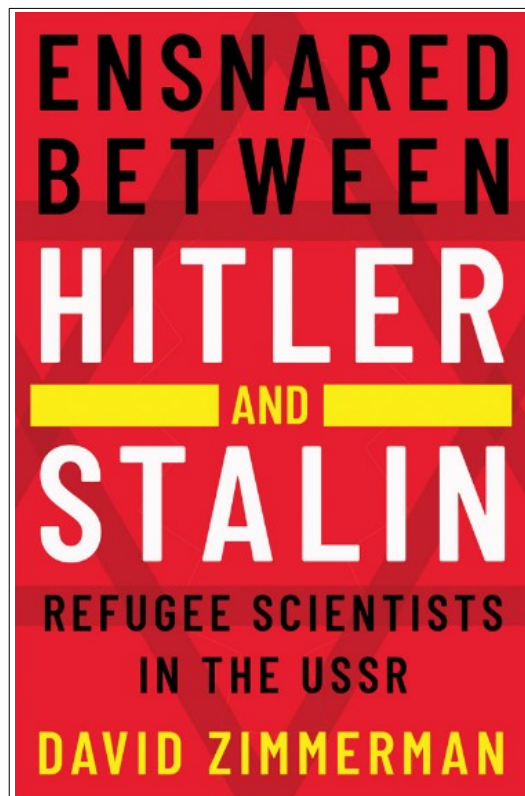
---

¹ См., например: Orth K. Die NS-Vertreibung der jüdischen Gelehrten die Politik der Deutschen Forschungsgemeinschaft und die Reaktionen der Betroffenen. Göttingen, 2016; Strauss H.A. The Migration of the Academic Intellectuals // International Biographical Dictionary of Central European Emigres 1933–1945. Vol. 2: The Arts, Sciences and Literature. Munich, 1983. P. 67–77.

успешные попытки выявления взаимосвязей между историческими событиями, происходившими в Германии и Советском Союзе. В связи с этим внимание уделяется причинам, по которым многие европейские ученые стали симпатизировать коммунистическим идеям и воспринимать СССР как успешный пример построения лучшего общества². Помимо этого, в англо- и немецкоязычной историографии затрагивается история советской науки, ее достижения и неудачи в социальном и политическом контексте³.

В своей новой книге Д. Циммерман продолжил заложенные научные традиции. Он проследил жизненный путь, которым прошли 36 немецкоязычных ученых, вынужденно мигрировавших в Советский Союз⁴. Рассматривая каждый этап их жизни в отдельности, историк постоянно возвращается к проблеме свободы воли ученых, показывая тем самым всю амбивалентность миграционных процессов.

Свое исследование Д. Циммерман начинает с анализа жизни будущих беженцев в догитлеровский период, подчеркивая неоднородность их

состава: «Most previous studies of refugee scholars have tended to consider them as a homogeneous group, linked together simply by the fact that they were all university faculty who had been dismissed by the Nazis. <...> This study reveals that the academics who migrated to the Soviet Union in the 1930s were far more heterogeneous, besides differing in marked ways from those academics who found haven in the United States, Great Britain, and other countries»⁵. Далее он переходит к причинам, по которым данная группа ученых выбрала в качестве страны для иммиграции Советский Союз, несмотря на многочисленные доказательства того, что он вполне может стать таким же опасным местом, как Германия⁶.

Лиц, въехавших в СССР еще до прихода Гитлера к власти, за небольшим исключением Д. Циммерман не рассматривает как академических беженцев в полном смысле этого слова, поскольку их карьера не всегда успешно складывалась в Германии или Австрии. Как правило, ученые мигрировали по причине того, что Советский Союз мог предложить им престижные должности с довольно привлекательными зарплатами. Тем не менее факт добровольного прибытия в страну не дал им преимуществ во время последовавшей через несколько лет волны репрессий. «During the Great Terror, however, the pre-1933 voluntary migrants would either join the refugee scholars fleeing the Soviet Union or find themselves under

² См., например: *Hollander P. Political Pilgrims: Western Intellectuals in Search of the Good Society*. London, 1998; *Jones N. Silence, Exile, and Cunning* // *History Today*. 2009 Vol. 59, No. 4. P. 25–31; *Zamfra A. The Enthusiasm of Intellectuals for Communism at the End of First World War in France* // *History of Communism in Europe*. 2009. Vol. 2. P. 11–28.

³ См., например: *Ruhemann M. Science and the Soviet Citizen* // *Anglo-Soviet Journal*. 1940. Vol. 3. P. 220–228; *Ings S. Stalin and the Scientists: A History of Triumph and Tragedy, 1905–1953*. New York, 2017.

⁴ Ученые, попавшие в выборку Д. Циммермана: физики Х. Бервальд, Г. Бек, Х. Ю. Кон-Петерс, Ф. Душнишки, Г. Фрелих, Г. Хариг, М. Шайн, Л. Тиса, Э. Вассер, А. Вайсберг, В. Цеден, Ф. Хоутерманс, Ш. Хуутерманс, Ф. Ланге, С. Леви, Г. Муравкин, В. Ромберг, М. Руэманн, Б. Руэманн, математики С. Бергман, С. Кон-Фоссен, М. Садовски, Ф. Нётер, Г. Мунц, философ Г. Борхардт, музыковеды Э. Эмсхаймер, Л. Шлезингер, медики З. Гильде, К. Циннеман, химики Г. Хеллман, Х. Саймонс, К. Вайссельберг, Э. Ледере, биолог Ю. Шаксель, физиолог Э. Саймонсон, лингвист В. Штайниц, инженер Г. Люфтшиц.

⁵ *Zimmerman D. Ensnared between Hitler and Stalin: Refugee Scientists in the USSR*. Toronto, 2023. P. 14.

⁶ *Ibid.* P. 36.

arrest. The NKVD did not distinguish between voluntary and forced migrant scholars when they commenced their persecution of the ensnared scholars», – отмечает Д. Циммерман⁷.

По мнению автора книги, после 1933 г. переезд ученых из Центральной Европы в Советский Союз был, как правило, обусловлен крайней необходимостью, для многих исследователей данный курс представлял лучшую, а в некоторых случаях и единственную надежду. При всех явных минусах (многие из опасностей миграции в СССР были к тому времени широко известны) для ученых данный вариант казался безопаснее и перспективнее, чем продолжение жизни в Германии. По этому поводу Д. Циммерман отмечает: «The migration of refugee academics to the Soviet Union was not exceptional; indeed, it was closely analogous to the experiences of other European Jewish scholars who, in the 1930s, found themselves forced to migrate to countries considered to be “the back of beyond”»⁸. Характерно, что идеологические мотивы не играли существенной роли в выборе Советского Союза в качестве пункта назначения. Безусловно, среди рассматриваемой группы ученых были члены Коммунистической партии. Более того, были среди них и преданные коммунисты, которые, прежде чем покинуть Германию, шпионили в пользу Советского Союза (Фриц и Шарлотта Хоутерманс, Герберт Муравкин, Вольфганг Штайниц и, возможно, Александр Вайсберг)⁹. Кроме того, советские деятели науки и образования предпринимали ряд усилий для вербовки своих центральноевропейских коллег. Однако идеология ни в одном из случаев не стала решающим фактором. В лучшем случае она минимизировала сомнения. В этой связи Д. Циммерман подытоживает: «Ultimately, none of these factors led most of these scholars to flee Hitler’s Germany for Stalin’s Soviet Union. The vast majority did so out of necessity»¹⁰.

Характерно, что прибывшие в Советский Союз ученые довольно быстро адаптировались, их первое впечатление о жизни в новой стране не ассоциировалось лишь со страхом и прессингом. Многие исследователи отмечали, что прилагаются огромные усилия для улучшения жизни среднестатистического советского гражданина. В частности, начальное образование стало доступным для всех, расширялось государственное здравоохранение, запускались огромные строительные проекты, женщины получали все больше возможностей для занятия академическими исследованиями, а предприятия управлялись коллективно¹¹. Более того, ученые замечали ряд признаков, свидетельствующих о готовности Сталина либерализовать общество. Многие даже допускали мысль, что Советский Союз может стать страной возможностей для иностранных ученых, им будет позволено продолжать научную карьеру за границей. Д. Циммерман подытоживает: «Whatever the hardships and risks of life under Stalin’s rule, most of the refugees were happy conducting research and teaching»¹².

В это непродолжительное время относительной стабильности, безопасности и благополучия немецкоязычные ученые смогли многого достичь. Д. Циммерман отмечает: «In many ways, the successes of these scholars mirrored what their contemporaries were achieving in the United States and in Britain. Since they were building up the Soviet Union’s scientific, educational, and industrial infrastructure, which was backward compared to that of Western countries, the work of these scholars had the potential to be even more transformative than the contributions of refugee academics elsewhere»¹³. Таким образом, иммигранты смогли извлечь выгоду из огромных государственных инвестиций в науку и образование, застав советское общество в его лучшем проявлении¹⁴.

Однако очень быстро достижения прибывших в страну ученых перестали иметь для их жизни какое-либо значение, поскольку они столкнулись с масштабной волной репрессий. «What had started with such high hopes had become an unimaginable horror perpetrated by Stalin

⁷ Zimmerman D. Ensnared between Hitler and Stalin... P. 50.

⁸ Ibid. P. 90.

⁹ Ibid. P. 291.

¹⁰ Ibid. P. 67.

¹¹ Ibid. P. 9.

¹² Ibid. P. 113.

¹³ Ibid. P. 133.

¹⁴ Ibid. P. 291.

and the Soviet state», – отметил Д. Циммерман¹⁵. В итоге из 36 ученых один умер естественной смертью, девять были заключены в тюрьму, а остальные бежали или были высланы. Только физик Ф. Ланге остался невредимым¹⁶. Характерно, что большая часть арестованных и все убитые в 1937 и 1938 гг. были либо членами Коммунистической партии, либо получили советское гражданство. Те, кто не попал ни в одну из этих категорий, смогли сбежать, получив выездные визы. Таким образом, жертвами сталинского режима становились не только те, кто выступал против его политики, но и те, кто всеми силами пытался интегрироваться в советское общество и поддерживал марксистскую идеологию¹⁷.

Но даже те, кому удалось бежать из Советского Союза во время Большого террора, не были застрахованы от Холокоста (часть ученых была передана непосредственно гестапо, часть переехала в страны, оккупированные нацистами). На их последующую выживаемость влияли разные факторы, среди которых не только национальная принадлежность (у немцев смешанного происхождения шансов было на порядок больше, чем у евреев), но и поддержка, которую ученые получали от немецкого научного сообщества¹⁸. Ключевую роль, однако, сыграло то, что рассматриваемые лица имели больше возможностей для еще одной миграции. Особенно популярной в этом отношении была Франция. Характерно, что выживаемость прибывших в эту страну ученых зависела от тех же факторов, которые определяли судьбу других евреев, недавно туда переехавших. «Lederer and Simons – the former through citizenship, the latter through his son's military service – became de facto French Jews. Bergman, Tisza, and Beck were able to use their connections with the international academic community to escape from France. Duschinsky, Wasser, and likely the latter's family perished in the Holocaust. They, like so many other murdered refugee Jews, likely "spoke little, if any, French," were unable to fit into French social and academic networks, and had little money. "These vulnerable foreign Jews were the first to be targeted by both Vichy and the Germans"», – отмечает Д. Циммерман¹⁹. Британские университеты также активно принимали беженцев, однако через несколько лет (приблизительно к 1936 г.) они достигли точки насыщения. В этой связи немецкоязычные ученые, пытавшиеся спастись в Англии от Большого террора, наталкивались на отказы в визе. Часть мигрантов нашла убежище в Швеции, но это по большей части было обусловлено ее географическим расположением. Шведы скорее терпели беженцев, но не приветствовали их²⁰. Миграция в Соединенные Штаты была осложнена длительной процедурой получения визы. Как правило, для этого требовались устойчивые профессиональные связи. Тем не менее большинству ученых, бежавших из Советского Союза, удалось пережить Вторую мировую войну и обосноваться в других местах, а уровень их выживаемости был выше, чем у общей популяции европейских евреев²¹.

Так или иначе ученые, которые вопреки всему смогли пережить ужасы Второй мировой войны и даже сделать впоследствии довольно успешную академическую карьеру, обладали рядом общих черт. Во-первых, они смогли установить обширные связи, как личные, так и профессиональные. Во-вторых, они были настойчивы и упрямы. Одни соглашались работать на любой подвернувшейся связанной с научной сферой должности, другие для получения заветного места совершали отчаянные поездки в США. «The one thing that links all of these ultimately successful academic refugees is that all of them were, if not brilliant, then highly capable scientists. Brilliance by itself did not guarantee success but certainly was a prerequisite for it», – резюмирует Д. Циммерман²².

Рецензируемая работа внесла большой вклад в переосмысление роли британских и американских организаций, специализировавшихся среди прочего на оказании помощи

¹⁵ Zimmerman D. Ensnared between Hitler and Stalin... P. 180.

¹⁶ Ibid. P. 161.

¹⁷ Ibid. P. 292.

¹⁸ Ibid. P. 199–200.

¹⁹ Ibid. P. 222–223.

²⁰ Ibid. P. 292.

²¹ Ibid. P. 223.

²² Ibid. P. 247.

научным деятелям, пострадавшим в результате прихода к власти нацистов (the British Society for the Protection of Science and Learning (SPSL), the American Emergency Committee in Aid of Displaced Foreign Scholars (AEC), the French Committee for the Reception and the Organization of the Work of Foreign Scientists). Зарубежная историография традиционно подчеркивает их безусловное значение в спасении и поддержке немецкоязычных ученых²³. Д. Циммерман, однако, рассмотрел данную проблему под другим углом. Не отрицая позитивной роли этих организаций, он подчеркивает, что помощь получали в основном те исследователи, которые сразу же находили убежище в западных странах. Лица, уехавшие в Советский Союз, оставались, как правило, вне фокуса их внимания²⁴. Кроме того, те ученые, которые все же обращались за поддержкой в представленные организации, сталкивались с огромным потоком иных академических беженцев и были вынуждены бороться за помощь. В итоге Д. Циммерман оценивает роль SPSL и AEC следующим образом: «The SPSL showed considerable flexibility in allowing Simonson and Schein to turn at least part of their fellowships into travel grants, which made possible their successful job searches in the United States. The AEC had almost no success in assisting these scholars, though it did its best to help a number of them»²⁵.

Ученые, бежавшие из Германии в Советский Союз, относились к идеям социализма и коммунизма с большей симпатией в сравнении со своими коллегами, уехавшими в западные страны. Характерно, что даже после того, как они преодолели выпавшие на их долю испытания, многие из них продолжали придерживаться марксистских идеалов. Как верно отмечает Д. Циммерман, этот факт является замечательным свидетельством того, что некоторые люди полагаются на веру, а не на опыт²⁶. Тем не менее все те, кто остался верным коммунизму, за исключением Б. Рухеманн, в конечном итоге усомнились в крайностях сталинизма. При этом естественно, что некоторые из самых ярых сторонников левых идей были полностью разочарованы своим опытом жизни в Советском Союзе и стали откровенными критиками этой страны во время «холодной войны»²⁷.

В последней главе своей работы Д. Циммерман затрагивает проблему влияния вынужденных миграций на семьи ученых. Это позволило ему расширить масштаб трагичных последствий, возникших в результате деятельности нацистского и советского режима. «The stories of the families of the victims of the Great Terror are a chilling reminder of the long-term consequences of the forced migration of German intellectuals and scholars caused by Hitler», – резюмирует историк²⁸.

Д. Циммерман оспаривает представление о том, что опыт бежавших в Советский Союз ученых не является частью Холокоста. Все трудности, с которыми столкнулись рассматриваемые в его работе деятели науки, были напрямую вызваны преследованием евреев нацистами. В этой связи не имеет значения, какая организация, гестапо или НКВД, осуществляла акт репрессии. «All of those fleeing Hitler faced grave dangers and hardships in their search for safe harbour. For those who sought refuge in the Soviet Union, those dangers included arrest, torture, and execution by the state. Many refugees succeeded in escaping Hitler's Germany – and, in the case of those in this study, the Soviet Union as well – only to perish later at the hands of the Germans and their Allies during the Second World War. Of the seven Ensnared who were murdered, four were killed by the Soviets, three by the Germans. Whichever organization carried out the murders, all of these deaths were directly attributable to the Nazis' persecution of the Jews»²⁹, – резюмирует историк.

²³ См., например: *Bentwich N. The Rescue and Achievement of Refugee Scholars: The Story of Displaced Scholars and Scientists, 1933–1952. The Hague, 1953; Beveridge L. A Defence of Free Learning. London, 1959; Duggan S., Betty D. The Rescue of Science and Learning: The Story of the American Emergency Committee in Aid of Displaced Foreign Scholars. New York, 1948.*

²⁴ Ibid. P. 12.

²⁵ Ibid. P. 248.

²⁶ Ibid. P. 281.

²⁷ Ibid. P. 282.

²⁸ Ibid. P. 290.

²⁹ Ibid. P. 294.

Работа Д. Циммермана показывает историю науки в эпоху войн и социальных и политических катаклизмов через призму судеб отдельных людей и их личностных трагедий. Особенно важно, что в фокусе книги стоят не только ученые, которые вопреки всем трудностям смогли успешно построить свои карьеры, но и те, чья жизнь сложилась не так благополучно. Это позволяет смотреть на исторические процессы без «ошибки выжившего». Исследование Д. Циммермана показало, как две диктатуры манипулировали судьбами и разрушали жизни талантливых людей, способных внести существенный вклад в развитие науки и общества.

Литература

Bentwich N. *The Rescue and Achievement of Refugee Scholars: The Story of Displaced Scholars and Scientists, 1933–1952*. The Hague: Martinus Nijhoff, 1953. 122 p.

Beveridge L. *A Defence of Free Learning*. London: Oxford University Press, 1959. 146 p.

Duggan S., Betty D. *The Rescue of Science and Learning: The Story of the American Emergency Committee in Aid of Displaced Foreign Scholars*. New York: Macmillan, 1948. 228 p.

Hollander P. *Political Pilgrims: Western Intellectuals in Search of the Good Society*. London: Routledge, 1998. 626 p.

Ings S. *Stalin and the Scientists: A History of Triumph and Tragedy, 1905–1953*. New York: Atlantic Monthly Press, 2017. 528 p.

Jones N. Silence, Exile, and Cunning // *History Today*. 2009. Vol. 59, No. 4. P. 25–31.

Orth K. *Die NS-Vertreibung der jüdischen Gelehrten die Politik der Deutschen Forschungsgemeinschaft und die Reaktionen der Betroffenen*. Göttingen: Niedersachs Wallstein Verlag, 2016. 480 S.

Ruhemann M. Science and the Soviet Citizen // *Anglo-Soviet Journal*. 1940. Vol. 3. P. 220–228.

Strauss H.A. *The Migration of the Academic Intellectuals // International Biographical Dictionary of Central European Emigres 1933–1945*. Vol. 2: The Arts, Sciences and Literature. Munich, K.G. Saur. 1983. P. 67–77.

Zamfra A. The Enthusiasm of Intellectuals for Communism at the End of First World War in France // *History of Communism in Europe*. 2011. Vol. 2. P. 11–28.

Zimmerman D. *Ensnared between Hitler and Stalin: Refugee Scientists in the USSR*. Toronto: University of Toronto Press, 2023. 360 p.

References

Bentwich, N. (1953). *The Rescue and Achievement of Refugee Scholars: The Story of Displaced Scholars and Scientists, 1933–1952*. The Hague, Martinus Nijhoff. 122 p.

Beveridge, L. (1959). *A Defence of Free Learning*. London, Oxford University Press. 146 p.

Duggan, S., Betty, D. (1948). *The Rescue of Science and Learning: The Story of the American Emergency Committee in Aid of Displaced Foreign Scholars*. New York, Macmillan. 228 p.

Hollander, P. (1998). *Political Pilgrims: Western Intellectuals in Search of the Good Society*. London, Routledge. 626 p.

Ings, S. (2017). *Stalin and the Scientists: A History of Triumph and Tragedy, 1905–1953*. New York, Atlantic Monthly Press. 528 p.

Jones, N. (2009). Silence, Exile, and Cunning. In *History Today*. Vol. 59, No. 4, pp. 25–31.

Orth, K. (2016). *Die NS-Vertreibung der jüdischen Gelehrten die Politik der Deutschen Forschungsgemeinschaft und die Reaktionen der Betroffenen*. Göttingen, Niedersachs Wallstein Verlag. 480 S.

Ruhemann, M. (1940). Science and the Soviet Citizen. In *Anglo-Soviet Journal*. Vol. 3, pp. 220–228.

Strauss, H.A. (1983). The Migration of the Academic Intellectuals. In *International Biographical Dictionary of Central European Emigres 1933–1945*. Vol. 2: The Arts, Sciences and Literature, pp. 67–77.

Zamfra, A. (2011). The Enthusiasm of Intellectuals for Communism at the End of First World War in France. In *History of Communism in Europe*. Vol. 2, pp. 11–28.

Zimmerman, D. (2023). *Ensnared between Hitler and Stalin: Refugee Scientists in the USSR*. Toronto, University of Toronto Press. 360 p.